

Устная история: повседневность детства 2000–2010-х гг.¹

Автор-составитель книги выражает искреннюю благодарность своим студентам, состоявшимся коллегам-исследователям по цеху историков, — так в средние века назывались корпорации мастеров одной специальности. Автор благодарит за поддержку родителей студентов, их бабушек и дедушек, которые откликнулись на просьбы делиться информацией и помощью по составлению родословных, по выявлению источников личного происхождения в семейных архивах.

Мы — команда единомышленников науки Истории!

...Спустя многие десятилетия в сознании нынешних студентов будут другие оценки, другая значимость событий их детства и юности. Но в любом случае в домашних архивах для детей и внуков останутся их воспоминания и размышления о времени 2000–2010-х годов.

Б. Е. Андюсев

Яна Санкина Горжусь своими предками

Я не могу назвать себя человеком с чисто сибирскими корнями, так как мои предки проживали в разных уголках России и имеют разное происхождение. Моя прапрабабушка по материнской линии Мария Михайловна знала два языка — латышский и русский, потому что сама по рождению считалась латышкой и родилась в Латвии, но ей с маленькими детьми на руках пришлось переехать в Кемеровскую область, где она вышла замуж и родила дочь, мою прабабушку, — Франию Антоновну.

По прошествии нескольких лет большая семья переехала в город Ужур, что стал для них родным домом. В старом посёлке уже нельзя было оставаться из-за голода, земли не хватало, тогда знакомые из Ужура и написали моей прапрабабушке, что земля здесь имеется, и тогда она собрала детей и перебралась сюда.

Здесь уже прошли их военные годы, где прабабушка вышла замуж за Шепелева Василия Петровича, который тоже приехал со своим отцом из Алтайского края в Ужур. Вскоре у них родилось трое детей, три девочки, одна из них, Тамара Васильевна, — моя родная бабушка.

В этой связи интерес представляют мои предки со стороны дедушки, маминого отца.

Сам дедушка родился в Ужуре, но вот его мама Клавдия Васильевна Понамарёва с семьёй приехали из Красной Сопки. Я поговорила с бабушкой, и то, что она мне рассказала, очень впечатлило, хотя я думаю, что такая информация требует дальнейшей проверки.

Так получилось, что мой прапрадедушка по отцовской линии по имени Николай имел дворянское происхождение, по воле случая был выслан из Подмосковья, где проживал с семьёй, в Сибирь. Что это был за случай, мне узнать не удалось, но в дальнейшем я настроена на то, чтобы узнать об этом как можно больше. И вот после ссылки в Сибирь они стали проживать в деревне Тибитень Красноярского края. Здесь, как мне рассказала бабушка, их раскулачили, и им пришлось переехать в город Ужур, где уже жила моя прабабушка.

Мой отец родился тоже на ужурской земле. Можно сказать, что моя родословная довольно богата. Я горжусь историей своей семьи и своих предков. И в будущем постараюсь узнать о них как можно больше. Потому что считаю, что свою родословную должен знать каждый уважающий себя человек.

Во времена 2000-х годов я была маленькой девочкой. Это был тот возраст, когда знакомство с миром только начинается, всё кажется удивительным и невероятным. Отсюда и рождаются яркие воспоминания. Моё детское воображение не уставало фантазировать, а любознательность постоянно подталкивала вперёд. С детства в моей голове были десятки вопросов. Я не уставала спрашивать родных. С маленького возраста, окружённая любовью семьи, я задавала вопросы, просила читать мне книги, показать и рассказать то, что меня интересует. В этом мне никогда не отказывали. Самым любимым, значимым человеком моего детства стал мой дедушка, Александр

¹ Избранные страницы книги «Устная история: повседневность детства 2000–2010-х гг.»: хрестоматия/ сост. Б. Е. Андюсев; отв. ред. Н. И. Дроздов. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023. — 192 с.

Михайлович. Меня он всегда называл «сердечным», что поначалу мне не нравилось, но спустя время я привыкла и даже полюбила. Дедушка много меня баловал, радовал и очень сильно любил, да и до сих пор продолжает. Именно с него началась моя любовь к истории.

Сначала дедушка стал показывать мне исторические и военные фильмы: «Ермак», «Тарас Бульба», «Кочевник». Они мне так понравились, что вскоре я начала смотреть их сама, пересматривая по десятку раз.

Дедушка любил историю и много знал. Мы часто разговаривали с ним про петровскую Россию, читали книги, смотрели фильмы. И мне это ужасно нравилось.

Как-то ранним утром я встала раньше дедушки, что случалось редко. Мне захотелось посмотреть телевизор, и вышло так, что я наткнулась на передачу про Древний Египет. Через несколько минут дедушка уже был разбужен, и мы вместе наслаждались просмотром. До сих пор помню, как это было интересно.

Особенно меня впечатлил просмотр документального фильма про перевал Дятлова, который мы тоже смотрели с бабушкой, тогда я ещё долго от него не отходила. Всё пыталась узнать, что же там за тайна такая. Дедушка вообще часто меня слушал, что для меня было очень важно.

Детство было замечательным благодаря не только дедушке, но и бабушке — Тамаре Васильевне, которая также не чаяла во мне души. Как же мне нравилось садиться с ней вечером на диван и просто разговаривать, пока она мягко гладит меня по голове. Я часто её просила так делать. Мне никогда не отказывали.

Помню, как ездили с бабушкой и мамой на базар, когда наступало лето. Сейчас прихожу на рынок и не вижу в нём ничего особенного, а раньше казалось всё таким интересным. Но уж что мне не нравилось, так это стоять на картонке и что-то примерять, пока тебя продавщица спиной закрывает. Казалось, что все на тебя только и смотрят. Но вот возвращаться домой с новыми сандалиями мне очень нравилось.

Больше бабушки я любила только её пироги, блины и жареную картошку. Больше мне от неё ничего не нужно было, деду, думаю, тоже. Бабушка восхитительно готовила. Ещё бы! Она была поваром высшей категории, чем я всегда гордилась и при любой возможности хвасталась. Что может быть лучше, чем бабушка-повар?!

Были у нас ещё с бабушкой свои приколы. Любил он пошутить над бабушкой и подговаривал меня что-то смешное у неё спросить или ответить. Я, конечно же, сразу на всё соглашалась. Меня бабушка бы ругать не стала, а вот про деда такого не скажешь.

Другой мой дедушка, Геннадий Борисович, был мне другом и часто меня смешил. Я очень любила,

когда он приходил ко мне в гости. Бывает, скажет: «Ну что, чай пить пойдём, конфеты вкусные ешь?!» И вот я уже бегу домой, с порога кричу бабушке, чтобы она грела чайник, сейчас Гена придёт.

Я всегда знала, где у дедушки Александра Михайловича лежит заначка самых вкусных конфет, туда я и лезла, чтобы угостить нашего гостя. Уж больно мне нравились наши чаепития, после которых дедушка играл со мной, щекотал, безобразничал и просто общался. Но было всё же то, что мне не нравилось. Это когда баба и дед начинали обсуждать то политику, то ещё что-то, тогда я просто убегала в свою комнату. Слушать мне это никогда не нравилось, не нравится и до сих пор.

Большой радостью, любовью для меня была и остаётся мама; я всегда хотела её видеть, разговаривать и обнимать. Сколько же было в маме сил: придя поздно домой, ещё нужно приготовить ужин, сделать домашние дела. Она, уставшая, слушала всё, что мне хотелось ей рассказать, а рассказать мне хотелось много. Особенно я любила время, когда мы оставались с ней вдвоём, и больше никого. В такие моменты мы были особенно близки.

С мамы началась моя огромная любовь к чтению, которая уже вряд ли когда-то пройдёт. Мама читала мне сказки до тех пор, пока я не стала их рассказывать сама. Я просила читать мне каждый вечер перед сном, так мне это нравилось. Одно из моих любимых воспоминаний — это как мама на кухне читает сказы П. П. Бажова, почему-то в такие моменты я особенно ощущала спокойствие и теплоту, это воспоминание греет мне сердце.

Не знаю почему, но, будучи уже даже повзрослевшей, я всегда искала защиту и поддержку именно у мамы. Моё доверие к ней несравнимо ни с одним другим. Во многом благодаря ей у меня есть что-то прекрасное, доброе и светлое внутри.

Я буду всегда помнить её слова: «Каждый человек достоин уважения»; «Человеку иногда нужна помощь, когда мы этого не видим, будь внимательна»; «Я знаю, что такое счастье, я держала его на руках»; «Ты изменила мою жизнь».

Я могу долго ещё вспоминать своё детство — столько было счастливых и радостных моментов! Мои воспоминания держатся на людях, создавших их, это не только бабушка, дедушка и мама. Это и папа, что крепко обнимал меня, когда мы ложились спать, возил меня на рыбалку, покупал самые вкусные пирожные и любил как только мог. Это мои любимые бабушки, а ещё дядя, которого я сама безмерно люблю и любила. Помню, как он брал меня на руки, сажал на мотоцикл и катал. Я просила его не останавливаться, дать мне порулить и кричала, если он позволял...

Вспоминая 2010-е, я думаю о школе, а в первую очередь о своём классном руководителе — Татьяне Александровне. Она показала мне не только, какой может быть увлекательной история, но и каким

замечательным может быть педагог. Она любила нас, старалась чему-то научить. Татьяна Александровна, возила нас в музеи по Красноярскому краю, по историческим памятникам Хакасии, в заповедники и на природу. Она учила нас помнить и уважать. Помнить то, что важно, то, что когда-то было. Уважать то, что отличается от нас самих: другие культуры, другие традиции, чужую жизнь, иной менталитет. А главное — она учила нас мыслить критически. Она хотела, чтобы мы могли думать самостоятельно, как образованные люди. Татьяна Александровна на протяжении шести лет была не просто педагогом, она была вхожа в наши души, знала о наших мечтах и переживаниях. Я доверяла ей. Она открыла мне мир истории. Моя благодарность за то, что она сделала для нас, не знает границ.

Пока я писала это сочинение, многое вспомнила и передумала. Такой объём мыслей сложно уместить в короткое эссе, но я хочу подвести итог. Моё детство, моя юность не были идеальными, но они были счастливыми.

Меня любили. Большой радости, большого счастья я назвать не могу, перед этим меркнет всё остальное. Очень надеюсь, что выросла я нравственно достойным человеком.

Но это покажет только время. Потому что сейчас я понимаю, что у нас может быть интересная работа, много материальных благ и возможностей, чтобы весело жить, но я считаю, что ничего из этого не заменит человечности, не заменит душевной близости и искренних чувств, что вызывает в нас любовь.

Так я думаю, вспоминая и размышляя о моих предках, о Сибири, обращаясь к своим 2000-м и 2010-м.

Всеволод Проскурин

Я рад, что моё детство было таким

Я родился и вырос в городе Красноярске. Своё детство провёл в самом типичном городском жилмассиве — микрорайоне Зелёная Роща. Когда я родился, моей маме было двадцать лет. Она отчислилась из университета и очень много работала. Мы жили в однокомнатной квартире.

Сколько помню себя, я постоянно сидел с няньками. Няньками были в основном девочки — ровесницы мамы. Частенько они устраивали «тусовки» у нас дома, пока мамы не было. И мама их потом за этим делом застукивала и выгоняла из квартиры.

Когда мне было четыре, у меня появился младший брат. Затем, через год, — сестра. Поначалу мы жили впятером в маленькой «однушке». В это время родители открывают своё агентство недвижимости. В середине 2000-х услуги риелторов пользовались огромным спросом, так как город разрастался семимильными шагами. И вот, в возрасте пяти-шести лет, мы переезжаем

в четырёхкомнатную квартиру. Просторная квартира — неопишущее удовольствие. Поначалу у меня не было своей комнаты, так как с нами жили родители отчима. Но когда они уехали, их комнату занял я. До этого мы жили с братом в комнате с компьютером и двухъярусной кроватью. Компьютер, в принципе, появился у нас рано, поэтому уже лет с пяти-шести я начал знакомство с различными компьютерными играми.

Для меня большим воспоминанием по жизни были, есть и будут собаки. У нас они были всегда. С самого моего рождения и всё моё детство у нас был шарпей Шера. Мои родители её сводили, и периодически у нас дома становилось больше шарпеев. Но Шера была всегда. У шарпеев очень острые зубы. Шера никого не кусала, но я её почему-то боялся. Я не помню моментов, когда я её гладил. Но я очень любил её. Это я понял, когда она ушла гулять (мы всегда выпускали её из подъезда, а она потом возвращалась) и не вернулась. Родители ушли её искать. Я долго сидел ночью и ждал, пока они придут, но заснул. Утром я увидел её возле себя, еле стоящую на ногах и всю перемотанную кровавыми тряпками. Как мне рассказали потом родители, она сначала погрызлась с бездомными псами, причём умудрилась в своём довольно преклонном возрасте (ей уже было больше десяти лет) загрызть нескольких псов, а потом полезла под забором и разрезала себе шею листом металла. Её несколько дней пытались поставить на ноги, но в итоге усыпили. Для меня это было очень большой потерей, и именно в тот момент я понял, что, несмотря на то что мне не удавалось её погладить или поиграть с ней, я всё же её любил.

В детстве я очень много времени проводил в дороге. Моя мама какое-то время торговала в Дивногорске. Я помню, как каждое утро мы с сумками приезжали на Предместную площадь и оттуда на жёлтой «Газели» уезжали в Дивногорск. Там был рынок на площади возле железнодорожного вокзала, где мы находились до вечера, после уезжали обратно. Затем у нас появилась дача, куда я очень любил ездить с бабушкой. Когда я стал старше, я начал ездить в лагерь, стабильно два раза в год — летом и зимой. Сначала это были поездки на поезде, затем — междугородними автобусами.

Моя мама любила рукодельничать, поэтому в детстве я перепробовал очень много техник декоративно-прикладного творчества: вышивание, плетение, вязание, оригами и так далее.

При должной сноровке я и сейчас смогу машинально вспомнить технологию плетения фенечки или сборки лебеда из бумажных модулей.

Одним из самых ярких воспоминаний детства для меня — походы в цирк. Мы с мамой часто туда ходили. Если посмотреть в семейные альбомы — очень много фотографий, где мы с мамой возле разных животных.

Мои мама с отцом очень рано развелись (что, в принципе, было характерно для того времени), но в детстве я хорошо общался с родственниками по линии отца. Я очень часто ходил к ним в гости (они жили в соседнем дворе), оставался ночевать. Там же жил мой дядя (младший брат отца), с которым мы играли в компьютер. С отцом мы также проводили время. Он работал с машинами, поэтому я часто ездил с ним в автомастерские или на авторинки.

В школу я пошёл в шесть лет и чего-то про школу интересного рассказать не могу. Я был отличником, но при этом отличная учёба не требовала от меня больших усилий. Примерно в это же время мама отдала меня в секцию брейк-данса. Мне очень нравилось, и я бы, возможно, занимался им до сегодняшних дней... Но в семь лет я упал с горки и сломал себе позвоночник. Родители боялись, что я могу больше не встать, но всё обошлось запретом физических нагрузок. Поэтому с брейком пришлось попрощаться. В этот же год мой друг рассказал мне, что занимается в вокальной студии. Я сказал маме и уже осенью пошёл в свою первую музыкальную школу. Там я изучал сольфеджио, игру на фортепиано и вокал. Мне нравилось, и в одиннадцать лет я пошёл получать второе музыкальное образование (но это уже более поздний период).

Достаточно много времени я проводил на улице с ребятами. Здесь всё было стандартно: догонялки, футбол, драки, прыжки по гаражам и прочие вещи, которыми занимаются дети до десяти лет.

Таким образом, моё детство было разным. Вроде много и всего необычного, но в то же время и самых стандартных вещей. В любом случае я очень рад, что моё детство было таким. Рассуждать о том, что было бы лучше прожить его по-другому, нет смысла хотя бы потому, что мне приятно вспоминать этот период своей жизни.

Каково быть студентом-историком в 2020-х годах? Попробую в целом рассказать про студенчество в Сибири, но больший акцент сделаю на вопросах, связанных непосредственно с историками.

Итак, если говорить о студенчестве в Сибири, то проблемы примерно такие же, как и везде: желание веселиться и отдыхать при необходимости в учёбе, кризисы третьего курса, сессии и прочее, прочее...

Сибирские города как центры концентрации вузов — места очень привлекательные. В крупных сибирских городах (Красноярск, Иркутск, Новосибирск, Томск — из тех, в которых я был) есть все условия для комфортного проживания студенческой поры — комфортные общежития, современные кампусы университетов, хорошая городская инфраструктура. Поэтому в некотором «бытовом» плане быть студентом в Сибири очень даже комфортно.

Теперь непосредственно о студенте-историке. Сибирь богата прекрасными специалистами в этой науке. Поэтому студент-историк всегда находится рядом с компетентными людьми, которые в большинстве своём — прекрасные личности.

Ходить на занятия большей частью хочется, так как с преподавателями действительно интересно не только в рамках преподаваемой ими дисциплины, но и за её пределами.

Само сообщество студентов-историков довольно но пёстрое по своему составу. Но в этом есть и плюс: ты всегда сможешь найти здесь что-то для себя. Есть «ботаны», есть те, кому эта учёба не сдаётся от слова «совсем», есть «серая масса» и так далее.

Но здесь всегда можно найти друзей, собеседника, коллегу для совместного проекта или задания.

В целом студентам-историкам даётся свобода в выборе направления своей научной работы, что выгодно выделяет гуманитарные специальности на фоне остальных, где твой научный интерес определяют за тебя. В Сибири большой простор для изучения локальных предметов.

Но есть и вторая сторона медали. Сибирь, безусловно, лежит в сердце каждого. Но зачастую научные интересы студентов-историков идут вразрез с феноменом «Сибирь».

А качественное изучение чего-то, связанного с «повесткой центра», требует посещения центральных архивов, таких как РГАДА, АВПРИ, ЦАМО и так далее. Многие центральные архивы не имеют систем удалённого доступа, поэтому материалы остаются недоступными для большинства историков. Лично для меня это является большим минусом.

Если подводить итог, то мне, в общем, повезло с 2000-ми.

И сейчас моё студенческое время 2020-х позволяет человеку развиваться в той сфере, в которой ему интересно. Касательно обучения на историка стоит отметить историческое образование как хорошее гуманитарное базовое образование, дающее общие компетенции, навыки и мировоззрение. А уже на базу в дальнейшем можно надстраивать различные «прикладные» навыки.

Анжелика Харланович Детство на улице

Моё детство проходило в городе Зеленогорске Красноярского края. Это закрытый город, в период Советского Союза он носил название Красноярск-45. В закрытый город просто так не попасть. В него имеют право заезжать только люди, у кого есть зеленогорская прописка. Я никогда не боялась гулять по городу даже ночью, потому что в Зеленогорске не было ни цыган, в отличие от Заозёрки, ни преступников, ни бандитов. Бандиты, конечно, в Зеленогорске были, мне родители про них

рассказывали, но их почти всех истребили к 2000-м годам. Поэтому мой город был и остаётся раем для спокойной семейной жизни.

В моём любимом городе на шестьдесят-семьдесят тысяч жителей отстроено восемь крупных школ: один лицей, одна гимназия, школа для одарённых и обычные стандартные школы. Ещё одна, девятая, школа — недостроенная. Строительство прекратили в период перестройки, с тех пор она превратилась в «заброшку», которую любят посещать любопытные дети, не слушающие родительских наказов не ходить в это место, а также любители необычных фотосессий. Помимо школ, в городе много садиков, мне даже тяжело сосчитать их точное количество. Все садики государственные, нет ни одного частного. У моих родителей не было проблем с устройством детей в садик и школу. Да и до сих пор у меня в городе нет такой проблемы.

В первую очередь время нулевых у меня ассоциируется с весёлым времяпрепровождением во дворе с друзьями. В основном я дружила только с мальчиками, поэтому и все игры у меня были мальчишеские. Мы играли в солдатиков, догонялки, «выше ноги от земли» и другие активные игры. Я и мои сверстники всегда свободное время проводили на улице. Сейчас же редко увидишь гуляющих детей во дворе среди бела дня. У нас не было ещё того интереса к компьютерным играм или к телефону, потому что они только начали появляться и родители нам просто так их не давали.

Мой первый телефон появился у меня в третьем классе, а первый раз я села за компьютер, чтобы найти нужную информацию в интернете, в пятом или шестом классе. Поэтому детство у меня было весёлое и активное.

Мы с мальчиками часто дрались, особенно зимой, когда не больно падать на снег. В какой-то момент стали популярны у меня во дворе пистолеты, которые стреляют пулями.

А в соседнем дворе был детский магазин, в котором как раз эти пистолеты продавались. В то лето весь двор скупил эти пистолеты, и мы бегали, стреляли из них, а бабушки ругались на нас, потому что они травмоопасные, а мы играли неосторожно.

До семи лет мне было разрешено гулять только во дворе, но у меня во дворе находится детский садик, поэтому мы с друзьями часто проникали внутрь и играли на площадках садика. Обычно это заканчивалось тем, что нас замечал сторож и потом гнался за нами. Мы убегали кто куда: кто-то лез через забор, чтобы уйти с территории садика, кто-то лез на высокое дерево в надежде, что сторож пройдёт мимо и не заметит его, а кто-то прятался в конструкциях площадки — например, домике или машинке. Несколько раз нас ловили, один раз вызывали родителей, другой раз, в наказание, заставляли убираться на территории садика.

Так как телефона у меня не было, родители всегда с седьмого этажа кричали, звали меня домой.

С семи лет мне можно было выходить с территории двора, но недалеко. У меня за домом находится большой фонтан и площадь, на которой в 2000-х, в период летних каникул, любили приходить с полотенчиками и загорать, купаться дети со своими бабушками. До тринадцати лет мы с друзьями всё лето проводили на фонтане. Обычно мы собирались в беседке во дворе и босиком всей толпой шли до фонтана. Там мы купались, бегали, веселились. Там же чаще всего мы праздновали Ивана Купалу, могли прямо в одежде, даже с рюкзаками все плавать в этих чашах. С этого начинался наш праздник. Продолжался затем во дворе с бутылками с водой, в крышках которых мы делали дырки и поливали всех вокруг. А если я заходила домой, то обязательно набирала воду в маленькое ведро и поливала прохожих с балкона. Хотя я и живу на седьмом этаже, но частенько вода долетала до людей, а так как я всегда пряталась после того, как сделаю своё мокрое дело, то слышала только возгласы этих прохожих, ведь смотреть было страшно: вдруг меня заметят? Теперь я не замечаю, к сожалению, чтобы у меня во дворе хоть кто-то из детей праздновал так Ивана Купалу. Сама я праздновала этот праздник так весело в последний раз примерно в 2014 году.

Также в этот период у меня во дворе стояла двухэтажная башня из кирпичей. К сожалению, первый этаж в основном использовали как туалет, но зато на втором этаже было чисто, и мы с друзьями чаще всего держали там кошку, каждый год разную. Мы за ней ухаживали, стелили постельку, кормили кормом, поили. Пару лет назад эту башню снесли.

С самого рождения у меня появились проблемы с кожей. На многие продукты у меня возникает аллергическая реакция на коже. Поэтому родители с моих трёх лет начали возить меня и мою сестру, которой на тот момент было уже десять лет, на Чёрное море; с тех пор у меня два дома. На море мы ездим на машине, сначала это была маленькая машина, затем папа купил микроавтобус, а ещё чуть позже — микроавтобус с палаткой на крыше. В основном путь занимает пять дней. Каждый год мы останавливаемся на день в Волгограде. Там живут мои дальние родственники.

Поначалу мы ездили в Новомихайловск, это маленькая курортная станица, и с детьми в ней было очень удобно. Посещали и другие города.

Но как-то раз мы оказались в Анапе. Моя сестра занималась волейболом, и её с командой каждое лето куда-нибудь отправляли на сборы. Мы с родителями всегда ездили с ней. Так в один год мы попали в Анапу. Это был примерно 2008 год. С тех пор мы ездим только туда и уже купили там квартиру. Так вот, конечно же, 2000-е ассоциируются у меня с тем самым полубившемся

советским пляжем на Чёрном море, когда вокруг много торговых палаток, как на базаре, люди лежат друг на друге, кто-то читает, кто-то разговаривает, а рядом проходит женщина и кричит: «Раки-и! Свежие сочные ра-аки! Чурчела, кукуруза, тёплая горячая-я-я кукуру-у-уза-а-а!»

В 2010-х же ситуация сильно поменялась. Теперь не увидишь в крупных курортных городах беспорядочных лавочек, вместо них строят красивые, большие, просторные аллеи, а бабушек заменили загорелые молодые парни, которые говорят в громкоговоритель и приглашают на экскурсию.

Но всё же в Крыму пока можно встретить ту уходящую эпоху.

В целом окружающий мир сильно изменился. Сейчас дети следят за модой, стараются красиво одеваться, красят волосы, сидят в социальных сетях, стараются быть модными. Я в их возрасте носила то, что поудобнее, а именно дырявые шорты, которые не жалко испачкать о крышу какого-нибудь гаража, сланцы, которые можно легко скинуть и вообще оставить под скамейкой и бегать по двору босиком, носила с собой спичечный коробок, для того чтобы не скучать, а собирать муравьёв, пока ждёшь одноклассника Данила, который зашёл домой, чтобы взять всем попить.

Константин Шляхтер Прапрадеды незримо воспитывали меня

На нулевые годы пришёлся период моего детства, только-только отгремели бандитские 1990-е, и мои родители решают найти тихую, спокойную гавань, где могли начать жизнь на своей земле и в своём доме. Так они и переезжают из Восточного Казахстана в небольшое поселение в Кежемском районе — Имбинский. Маленький посёлок, окружённый сплошной тайгой, а до ближайшего города Козьмодемьянска семьдесят километров пути. Здесь и проходило моё детство. Молодая семья пытается встать на ноги: отец работает на пилораме, но вскоре устраивается бойцом в местную часть МЧС, а позже он дослужится до командира и ближе к нашим дням станет начальником.

Считаю, что мой отец был достойным преемником своих дедов и прадедов, участников Великой Отечественной войны.

Первым делом речь пойдёт о моём прапрадеде Шляхтере Сергее Павловиче. В 1929 году он окончил Читинский педагогический техникум, женился на Анне Шкиптан, все предвоенные годы они оба работали учителями сельских школ. Прапрадед был участником Великой Отечественной войны с июля 1941-го по 1945 год. Служил старшиной, затем командиром комендантского взвода 7-й отдельной роты управления 7-й штурмовой инженерно-сапёрной бригады. Дошёл до Берлина. Имел медаль «За боевые заслуги» и орден Красной

Звезды. После победы над Германией он работал учителем математики и директором детского дома.

Кроме Сергея Павловича, в нашей семье воевал бабушкин отец, гвардии сержант Лаулин Виктор Иванович. На фронте начинал как рядовой шофёр, занимаясь подвозом боеприпасов, провианта непосредственно к линии фронта и нуждающимся во всём этом бойцам. По итогу за это и получил две медали, «За отвагу» и «За боевые заслуги». В описании боевых подвигов числится умение «миновать бомбёжки» и «своевременно и бесперебойно доставлять полку вооружение, боеприпасы и продовольствие под огнём противника». На фронте был и его отец, Иван Иванович Лаулин. Красноармеец, снайпер был убит третьего февраля 1944 года недалеко от Старой Руссы во время Ленинградско-Новгородской операции.

Мои прапрадеды и мне подают всю сознательную жизнь пример выполнения своих обязанностей, долга и правильного отношения к жизни. Они незримо воспитывали меня. В целом в плане воспитания моя семья была довольно свободная, всё шло как-то само собой, учили правильному, когда ошибался или хулиганил, но без рукоприкладства или чего подобного, максимум громкие замечания и временные лишения в качестве наказания.

В вопросах религиозности семья также была свободная, носили крестики и справляли основные церковные праздники, но не более, каких-то разговоров о возвышенном и трансцендентном не было. Жили в небольшом коттедже, потихоньку обустраивались и делали маленькие ремонты, тесно дружили с соседями.

В детский сад ходить не то чтобы прям любил, но и ненависти не было, хотя иногда ой как не хотелось вставать, одеваться и топтать туда, где заставляют спать днём, чего я с детства делать не умел. Вели себя детьми мирно, игрались в игрушки весь день, бегали друг за другом на улице и прятались друг от друга. Кушал так себе, еда не нравилась мне что в садике, что в школе, любил только мамину готовку.

В свободное время по выходным, когда не надо было никуда идти, все играли на улице. Ещё бы! Компьютеров особо ни у кого не было, как и телефонов, да и зачем они, если нет мобильной связи? Так и жил; правда, помню о временах садика я не особо много.

В те стародавние времена продуктовое разнообразие было совсем другим, мы пили «швепс» и мечтали сделать глоток «флеша», который в те годы ещё производился в Красноярске на «Пикре». А мне нравилось поесть лапшу «роллтон» — не для того, чтобы насытиться, а просто так, потому что вкусно.

В плане быта помню, как у нас появился кассетный видеопроигрыватель, на нём я и смотрел

свои самые любимые мультики. Ещё долгое время он был в нашей семье, пока ближе к 2010-м дядя не принёс нам «дивидишник». Важным предметом в моей жизни стала первая плейстейшн, очень много времени я проводил, играя на ней перед телевизором, она стала одним из моих любимых развлечений, и каждый раз, когда мы ездили в город, я просил отца купить новый диск с игрой.

Занятно отметить, как со временем отец менял машину. Сначала был какой-то не прям старый советский автомобиль светло-зелёного цвета; позже отец взял белую «Волгу» современного образца, которые делал автопром тогдашней России нулевых; ну и позже, уже ближе к 2010-м, у нас появляется старенькая «Тойота Эм-Пи-Ви», довольно большая и просторная на фоне прошлых наших машин, с коробкой-автомат внутри и с двигателем-миллионником под капотом.

Самой важной вехой в моей жизни в те годы стал поход в школу, которая являлась для меня совершенно новым миром.

Пошёл я в школу лет в семь, это простая сельская мкоу сош, в общем и целом — самая обычная школа. Однако же у такой сельской сош были свои особенности, когда ты в лицо знаешь каждого ребёнка и учителя, потому что всего детей и в школе, и на просторах посёлка было довольно мало с учётом населения человек в восемьсот. Так и учились мы, мирно и дружно сосуществуя, хотя не без конфликтов, конечно, все мы люди. Самой печальной для ученика такой школы была ситуация, когда учительница лично знакома с твоими родителями, может в любой момент позвонить и сказать кое-что; а у меня ситуация была и вовсе печальной — одной из учительниц в школе была жена моего дяди. Они к нам и просто в гости ходили, и праздники с нами порой справляли.

Школа содержалась на областные деньги, но их явно не хватало для введения обновок, и сколько я помню её в нулевые — не менялось практически ничего, большинство всего так и осталось стоять со времён основания школы в 1989 году. Даже двери у нас были деревянные на входе, как и оконные рамы, а пол в школе был стандартной заливки; это уже потом, когда я уже прошёл начальные классы, у нас начали делать ремонты, заменили двери, рамы на пластиковые современные, пол же покрыли плиткой. Сначала, правда, всё делалось лишь на первом этаже, где располагались кабинеты началки, а потом уже пошло и на второй, к старшей школе. Стоит отметить, что в школе никогда не было системы добавления литер в номер класса; да и зачем оно, если там даже сотни детей нет и хватает всем быть по одному классу без дублирования?

Посёлок привил мне привычку здороваться со всеми, кого встречаешь на своём пути, даже если лично не знаком, таковы нормы приличия сельской

жизни. А в городе всегда было как-то неуютно, особенно в таком большом, как Красноярск. Много людей, все они — незнакомые, лица, которые ты никогда в своей жизни не видел, а когда, бывает, проскочит пресловутое «здравствуйте!», смотрят косо и изредка вяло отвечают.

Горожан понять было трудно, поэтому мы, как дети, всегда противопоставляли себя им, стремились соревноваться во всём, в чём могли, чтобы знали наших. И ведь мы, простые сельчане, дети довольно простых родителей, у многих из которых не было образования выше девяти классов, действительно побеждали, занимали первые или призовые места, будь то спорт, креативная деятельность или олимпиады на знание; мы часто попадали в заголовки газеты «Советское Приангарье».

Как жаль, что дни той далёкой и вечно весёлой молодости без проблем уже давно позади.

Сергей Высоких Мы — поколение «Z»

Я родился в день археологии, день смерти Цоя и день рождения Наполеона Бонапарта, но в 1998 году и в городе Ангарск в Иркутской области. Через два дня объявили в нашей стране дефолт, который я, конечно, не помню и не помню, как мы жили в это время. Самые ранние воспоминания моего детства начинаются с того, как меня купали в ванной и как я ходил в детский сад. Я был совсем маленький, приблизительно три-четыре года мне было. Но уже тогда я нашёл своего друга, с которым общаюсь и по сей день, а зовут его Саша.

Я был очень шумный, капризный и вечно болеющий ребёнок. Хочу также поделиться воспоминанием моих родителей, которого я не помню, но они всегда припоминают мне это. Меня собирали всей семьёй, и я даже помню, во что я был одет в какой-то определённый промежуток времени: шапка-ушанка, шуба, детские колготки, какие-то штаны, валенки и армейский белый ремень с золотой пряжкой. Каждый раз, когда меня одевали и выпускали на улицу, пока родители собираются, я выбегал из подъезда и нырял головой в сугроб, как страус, и ждал родителей. Когда они выходили, отец брал меня за этот армейский ремень и нёс до детского сада, как чемодан. Родителей всегда это веселило, потому что я кричал и хохотал всю дорогу.

В детском саду я помню, как мы играли в прятки, дочки-матери, рисовали, собирали какой-то конструктор, даже дрались уже в этом возрасте, ходили в бассейн и очень много бесились. Помню, как мы из льдин собирали крепости на прогулке и играли в снежки. Было очень весело, и почему-то до сих пор я не могу такую прогулку повторить, чтобы с крепостями, со снежками, с огромным хохотом.

И когда мы перестали играть в снежки, я решил отдохнуть у крыльца. Я смотрел, как в небе летит самолёт, и почему-то мне в голову пришла мысль: хочу облизнуть рядом стоящий столб на крыльце. Зимой. Я, естественно, тогда не знал, что такое физика, и, естественно, когда я облизнул столб — я мгновенно прилип к нему. Я запаниковал, и мне ничего лучше не пришло в голову, как просто оторваться от столба. О последствиях я тогда не думал. В итоге я оторвал язык от столба и пошёл показать это своему воспитателю. Я не помню, плакал я или нет, но я помню, как воспитатель всех повёл обратно в детский сад, и сразу следующий эпизод перекидывается на тот, где я ем кашу у маминой подруги и мне очень больно есть её.

Почему-то вспомнил прямо сейчас ещё, как мы в детском саду выступали перед родителями, как мама вручную делала мне костюмы перед праздниками, помню первый костюм козлёнка, но никто не издевался надо мной. А вторым был какой-то шут. В то время как почти всем покупали эти костюмы, моя мама делала вручную. Тогда я не ценил этого, а сейчас это вызывает большое уважение к ней. Но в моё детство было совсем не важно, кем я был.

Очень отчётливо помню, как я выпросил у отца «тетрис» в виде футбольного мяча. У кого-то из группы появился, и я захотел себе такой же. Все смотрели, как я играю в пиксельный футбол, и вроде в этот же день я его потерял в детском саду.

Украл его кто-то? Это, видимо, останется загадкой. В выпуске из детского сада я отчётливо помню, что я хотел вместе с Сашей пойти в одну школу, потому что мы были не разлей вода. И как я обрадовался, когда мы вместе сидели за одной партой и начали учиться.

В школе мы учились при детском саде, так как для нас почему-то не выделили отдельного класса в школе, но для нас это не имело никакого значения. В одном классе мы кушали, учились и бесились на переменках. Когда я узнал, что Саша пойдёт в музыкальную школу во втором классе, сначала я не придавал этому никакого значения. Но я заметил, что он начал со мной чуть реже общаться, и там он нашёл среди новых одноклассников новых друзей, которые тоже ходили в музыкальную школу. Я очень сильно заревновал и решил пойти вместе с ним в музыкальную школу к одному и тому же преподавателю по классу фортепиано.

Помнится, как я переехал в другое место и как я гулял во дворе. В то время ни у кого из моих одноклассников и друзей ещё не было компьютеров, и всё своё свободное время я проводил на улице. Там я нашёл новых знакомых и дворовых друзей. Мы играли в казаки-разбойники, «тукита», догонялки и стрелялки. Делали рогатки из горловины

бутылок с напальчником и стреляли из них рябиной по заборам и иногда друг в друга.

В свободное время я общался по домашнему телефону с Сашей. Мы проговаривали все деньги, за что родители нас ругали. Наверное, каждый в своём детстве встречается с беспризорниками, которые были агрессивны по отношению к своим сверстникам и старшим. Меня не обошла эта участь, и я каждый год дрался со своим одноклассником по всяким пустякам.

Впрочем, не один я с ним дрался. Во дворе тоже такие встречались. Они начинали курить и употреблять алкоголь слишком рано. Мне немного жалко таких людей, как жизнь потом калечит их.

Помню ещё, как в школе были своего рода мейнстримы.

Мы собирали фишки из героев мультфильмов и играли по каким-то особым правилам. О да, примерно с первого класса все смотрели мультики по утрам по СТС и ТНТ: «Крутые бобры», «Спанч Боб» и всякие-всякие мультики. Я обожал смотреть их перед школой и после школы. А когда мультики кончались — я переключал на музыкальный канал по типу «МузТВ». Смотрел клипы с восхищением: как красиво выглядит клип, как звучит музыка. Я рос в пик популярности группы «Ранетки», которую я ненавидел. Крутили популярных рэперов по типу Басты и Гуфа. Очень нравились клипы «Мумий тролля», «Би-2», которые очень красиво звучали.

Также мы собирали «лёлики». Мы отрывали от пачек сигарет крышку, складывали их особым образом, вставляли рядом друг с другом и били пальцем по краю «лёлика». Чей «лёлик» улетел дальше — тот и победил. У многих детей того времени были целые коллекции этих «лёликов» из-под самых разных пачек сигарет.

Следующий момент, который мне отчётливо помнится, — это когда мы зимой в четвёртом классе после школы решили попробовать пиво с одноклассниками. Нам продали пиво в киоске, и мы пошли все вместе пить его в лесной массив возле школы.

Мы все смеялись и пили. После того как все выпили по бутылке пива, мы пошли кто куда, а я в музыкальную школу. По расписанию у меня был хор, и я в таком весёлом настроении пошёл петь. Пел я в тот день от души и очень громко, никто даже не подозревал, что я слегка пьян. Я был в разделе высоких голосов и мог тогда брать ноты Витаса один в один. Всё это было в четвёртом классе, и тогда это был 2009 год. В это время в школе была мода на зажигалки. Мы пускали в рот газ, потом выдували газ и поджигали его. Этот трюк назывался «дракончик». В целом там было ещё несколько трюков, но я особо не помню их исполнение.

Подростковые субкультуры. Я столкнулся с ними в 2007 году, и я не понимал, почему эти люди ведут себя так или иначе.

В моём городе я встречал однажды только одного представителя из субкультуры эмо, и то мельком. В это время были популярны эмо, готы и гопники. Гопники, как я понял, были популярны всегда. А всех остальных я либо видел всего один раз, либо вообще не видел — скорее всего, из-за того, что гопники выбивали из них всю дурь.

Я хорошо помню, как к нам в класс приходили люди в форме и рассказывали про вред наркотиков. Нам было по восемь-девять лет, а мы уже знали, что такое героин, марихуана и «крокодил». В новостях очень много говорили про притоны, передозировки и как плохо быть наркоманом. Благо, мой класс эта эпидемия обошла стороной, потому что мы были очень маленькими.

Хочется также рассказать про технологии. В первом классе почти у всех начали появляться сотовые телефоны. Вначале у большинства были обычные кнопочные телефоны, которые могли только звонить и отправлять SMS. У моего двоюродного брата был даже пейджер в то время, но он постепенно уходил из технологической моды. Ближе к 2010 году у меня появился телефон с ИК-портом, с которого можно было слушать музыку, играть в игры и даже выходить в интернет, где можно было скачивать всякие картинки, музыку и прочее. Я был на седьмом небе от счастья. Но моё счастье продлилось недолго, потому что его украд какой-то человек, который старше меня. Вообще в это время очень сильно была развита

кража среди детей. В основном крали телефоны, но были и случаи, когда крали деньги у детей.

Самое запоминающееся в этом периоде для меня было то, как я праздновала свой день рождения в 2008 году. Меня привела в заведение сэндвичей «SubWey» моя родная тётя. Мы заказали большой сэндвич, и я не совсем помню, где я это услышал, по телевизору дома или в «SubWey», но в то время крутили по телевизору конфликт в Южной Осетии. Мне было очень обидно, что я ем сэндвич, а три дня назад умирали люди, и я не понимал, почему так произошло. В те годы я не понимал, кто такой Путин, и мне совсем было не до него, потому что я рос, учился и играл с друзьями.

В заключение хочется сказать прежде всего, что детство было классным. Так скажет каждый, потому что детские года — это самые счастливые и беззаботные времена. Но нас не интересовали деньги, мы дружили не из-за того, что у кого-то крутой телефон или планшет. Я рос в пережитке девяностых, когда все дворовые войны были закончены, во дворах не было массовых драк (хотя возможно, что я о них просто не знал). Моё поколение выросло на популярных до сих пор рэпе, роке и попсе. Мы не знали, что такое наркотики, а всего лишь баловались иногда выкуриванием сигарет. Мы выросли во времена либеральных реформ в России, когда она стремилась в Европу и технологии развивались очень быстро. Наши родители работали с утра до вечера, чтобы прокормить нас, поэтому мы были предоставлены сами себе, воспитаны дворовыми играми и воспитали себя сами. Мы — это поколение «Z».